

отношения к чужой жизни. Данные МВД России впечатляют, сообщая о росте безмотивных подростковых убийств, совершенных с особой жестокостью, в пьяном или наркотическом состоянии, о росте тяжелых преступлений среди девочек и женщин. Факты можно продолжить, но все-таки еще не поздно остановить эти процессы, большинство человечества сохраняет вековые нормы нравственности как в отношении природы, так и человека.

Необходимо больше опираться на разум, рациональный антропологический контроль. Образование и культура в целом должны быть тоже более природо- и человекообразны. Коэволюция природной, социальной и культурной среды — стратегия поведения в XXI веке. Воспроизводство, защита, безопасность жизни, утверждение ее как ведущей ценности для общества с необходимостью предполагает более глубокое понимание человека, отдавая отчет в том, что в современной ситуации человек становится опасен для себя самого.

Валерия Мухина

Предметный мир как жизненное пространство личности

Категории добра (зла), справедливости (несправедливости), прекрасного (безобразного) в приложении к реалиям жизненного пространства личности расцветивают эти реалии в зависимости от изменений взглядов человечества на их ценность. В разные периоды исторического времени взгляды на ценности реалий то радикально менялись, то представляли как неизменные константы.

Определяемые историей культурного развития, исторически обусловленные реальности существования человека следует классифицировать следующим образом: 1 — *реальность предметного мира*; 2 — *реальность образно-знаковых систем*; 3 — *реальность социального пространства*; 4 — *природная реальность*. (Особое место сегодня занимает *реальность виртуального пространства*, которая, с одной стороны, вбирает в себя все исторически обусловленные предтечи, а с другой — представляет собой еще одну, совершенно особую реальность.)

Каждая из реальностей входит исторически складывающейся составляющей в жизненное пространство личности. Названные реальности столь значительны как условие развития и бытия личности, что требуют отдельного пристрастного рассмотрения.

Сегодня обратимся к рассмотрению **реальности предметного мира**, который стал для человека неотъемлемым условием развития и

существования, начиная с далеких глубин истории, и который, создавая жизненное пространство человека, влияет на его морально-эстетические суждения и переживания.

Человечество в своей истории создало материальный предметный мир, обладающий относительной устойчивостью и независимостью существования. Отдельный предмет — единица, часть сущего. Но предмет не существует только сам по себе, а включен в систему предметов; он принадлежит культуре, эпохе, ментальности.

В человеческой культуре исторически складывалась система отношений к вещам, к предметному миру. Эти отношения строятся внутри известной модели: *человек — вещь — человек*. Модель показывает, во-первых, связь человека с вещью (в языке вещь всегда — существительное; вещь может быть одухотворена; вещь может иметь имя собственное — большие бриллианты, например; вещь может стать фетишем; вещь может быть отчуждена — стать ничем и др.); во-вторых, зависимость оценки человека человеком от принадлежащих ему вещей (дома, библиотеки, машины, одежды и др.). Вещь представляет человека в мире, так же как и его психические качества: ум, толерантность, личностные особенности и др.

В зависимости от общественной идеологии отношение к вещи претерпевает разительные изменения. В эпоху процветания философии киников *вещи обесценивались* вовсе. Позднее в истории эта позиция вновь и вновь поднималась на щит. В то же время в истории не раз возникали ситуации, когда вещам придавалось значение *фетиша*, сверхценности. Это происходило как в примитивных культурах, так и в развитых государствах.

История человечества показывает, что вещи в сознании человека могут трансформироваться *от* значений, реальная ценность которых нивелируется, утаивается (так как она не соответствует провозглашенной идеологии) *к* значениям *фетиша*. В истории человечества сакрализация предметов в религиозных обрядах придавала им те качества, которые оберегали человека своими сверхъестественными свойствами. В развитых обществах фетишами становятся самые разные продукты человеческой деятельности. Собственно, любые предметы могут стать фетишами: могущество государства персонифицируется золотым фондом, развитостью и множественностью техники, в частности вооружения, экологической чистотой природы, водными ресурсами, уровнем жизни, определенными потребительской корзиной и покупательскими способностями, жильем и др.

Место отдельного человека среди других людей реально определяется не только его качествами, но и обслуживающими его вещами, которые репрезентируют его в социальных отношениях (дом, квартира, земля и другие престижные в конкретный момент культурного развития общества вещи). У разных слоев общества и у раз-

ных поколений кроме общих ценностей могут быть свои особые фетиши.

Сообразуя человека как высшую ценность с предметным миром, нельзя забывать, что **мир вещей — среда обитания человека**. *Созданный человеком рукотворный мир прежде всего должен служить человеку.*

Служение человеку предметного мира осуществляется, прежде всего, *по законам функционального использования предметов и их эстетического воздействия.*

Важное место в ряду особо значимых рукотворных предметов занимает в сознании и чувствах человека *Дом*. Дом — понятие антропоцентрическое, это всегда строение для проживания семейства. Особую ценность представляет умение жить домом («Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить», В. Даль).

В доме происходят основные таинства семьи: 1 — свадьба (сватовство, свадьба, брачная ночь); 2 — зачатие, рождение, празднование дней рождения; 3 — похороны усопших; 4 — праздники (традиционные и по неожиданному поводу). *Дом — условие развития и бытия личности.*

Отношение к дому зависит от доминирующей идеологии государства, общества и отдельной семьи. Так, в СССР подавлялось ценностное отношение к частному дому, жизнь выносилась на уровень общественного контроля и оценок. В нынешней России дом обретает свою истинную цену: *Дом становится не только местом проживания семьи, но условием, определяющим мировоззрение и самосознание человека, его чувство базового доверия к внешнему миру людей. Дом — это рукотворное строение и кровные люди, в нем проживающие, семья.*

Человек в благоприятной ситуации осуществляет себя в своем доме *как хозяин самого себя*. Он *любит* свой дом, *хочет* домой, *тоскует* о нем, когда находится вдали от него. В норме человек относится к своему дому по законам *добра, справедливости и красоты*.

В доме с достатком каждый имеет *свое место*, которое охраняет его индивидуальную *потребность в обособлении*. В доме есть общее место, где все члены семейства могут общаться друг с другом.

Внутреннее убранство дома презентруется прежде всего мебелью.

Мебель — как писал В. Даль, — стоялая утварь в доме. Предметы, обстановка — совокупность предметов разного функционального назначения, которыми обставляются жилые или иные помещения.

В расположении и качестве мебели в частном семейном доме (квартире) в любую эпоху, в любой этнически выраженной среде демонстрируются традиции и ценности семьи, возвращенной социаль-

ной культурой своего времени. Вся мебель различается по своему функциональному назначению, при этом она тяготеет к центральным предметам: в спальне это кровать; в кабинете — письменный стол и компьютер; в столовой — стол, стулья, буфет; в детской — кровать, полки для игрушек, ковер и т.д. Все вещи выражают многофункциональность и определенность своего присутствия. У каждой вещи — строгое функциональное назначение, соответствующее особенностям членов семьи. Вещи презентуют не только семью в целом как ячейку общества с определенным социальным и культурным положением, но и каждого члена семьи в зависимости от его пола, возраста и личностных особенностей, интересов и предвзятостей.

Семейный дом — специфическое пространство: в нем главное предназначение мебели и других вещей — *не только служить человеку в соответствии со своим функциональным назначением, но и воплощать собой отношения между членами семьи*. Так, за столом каждый член семьи имеет *свое место*. В Японии первому подают еду главе дома. Как пишет Лафкадио Хэрн*, «теоретически власть главы дома сегодня, как и прежде, является верховной». В России сегодня роли в семье распределяют по-разному. Но вещи могут заявлять о своем хозяине: солидное кресло в кабинете главы семьи; современное кресло у компьютера в юношеской студии; кушетка хозяйки дома в гостиной.

Люди и вещи тесно связаны между собой. В сложившейся истории дома вещи согласованы с людьми, обретают определенные значения и смыслы, аффективную ценность. Так, столовый гарнитур берет на себя (ему придается) нагрузку праздничных встреч и условностей этикета. Вещи в доме обозначают своим присутствием членов семьи: через отношение к вещи, кому-то принадлежащей, домочадцы символически демонстрируют свое отношение к личности («Это папино кресло! Осторожно!..»; «Это книга Петра! Положи ее на место!»).

Вещи создают символическое пространство жилища, внутреннего убранства дома.

Помимо мебели семья обретает вещи, которые вплетаются в ткань обыденной и праздничной жизни домочадцев, создают особую ауру дома — его *добро* и индивидуальную *красоту*.

Современные дома предстают перед нами в большем многообразии: начиная от традиционных избы и кирпичного домика и заканчивая многоликими в архитектурном отношении коттеджами и замками. Убранство жилья также разнообразно: от складной мебели (которая то исчезает, то вновь появляется в необходимый момент) до значительно занимающей свое постоянное место в пространстве инте-

* Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб., 2000. С. 58.

рьера мебели от Франческо Молонди. Главное в жизни дома: жилье и вещи должны быть «обжиты». С вещами человек связывает ассоциации прожитых и переживаемых эмоций — своих поступков, чувств, мгновений наслаждения и покоя. Дом постепенно наполняется историей наших чувств, напоминает нам о прожитом, держит в настоящем, побуждает к заботе о будущем. Дом держит ауру семьи, которую следует бережно охранять и возвращать.

Дом может представлять историю семьи и быть ее очагом. Дом может превратиться в дом-музей и стать открытым духовным пространством для всего человечества (например, квартира А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге; дом-музей Сальвадора Дали в г. Кадакесе и др.).

Сегодня в России *предметный мир как частная собственность стал знаком социального места владельца* в гораздо большей мере, чем в период, когда идеология вела общество к коммунизму. От понятий «общего», «всенародного» граждане новой России переходят к новым значениям «частное», «личное». Перестройка сознания — не простая смена понятий. Значения и смыслы новых понятий, обращенных к предметному миру, перерастают сложившиеся смысловые структуры у массового человека в новых условиях жизни. Вобрав без критики и понимания оценочные суждения изначальной для него идеологии, человек, как социальная единица прежнего общества, начинает испытывать возмущение по отношению ко всему, что лишает его сознание усвоенных опор. Его возмущают, раздражают и вызывают агрессию и зависть такие слова, как «личная собственность». Эти слова-понятия несут в себе значение и смыслы нового времени.

Смена общественных ценностей в отношении к предметному миру порождает стимуляцию в человеке тех негативных образований, которые всегда сопутствуют позитивному развитию общества или отдельного человека.

Добро, которое возвращается в отношениях в доме, в семье, может обращаться во *зло* в глазах стороннего человека, с завистью смотрящего на материальное благополучие ближнего.

Зависть — ненависть к другому за его преимущество перед завистником. Преимущество во владении вещами в нашем обществе обычно не соотносится со способностями и вложенным трудом.

Отношение к вещам колеблется от восхищения их эстетическим видом и функциональным совершенством до ненависти и вандализма.

Вандализм — в истории имя народа — ныне обратилось в общее название — разрушителя культурных ценностей, агрессивного человека. В нашей стране вандализм проявляется в отношении жильцов к своему многоквартирному дому; школьников — к школе, к своей парте; множества людей — по отношению к местам общественного пользования. Разрушить, разломать, уничтожить, опоганить — вот перечень негативных действий.

Ныне ярко проявляется такая форма вандализма, как граффити. В России граффити развивается вяло по сравнению с Европой лишь потому, что дорого и трудно достать нужные аэрозоли.

У серийных вандалов граффити есть мода на предметы, дизайн которых они склонны изуверски разрушить: это прежде всего (в Лондоне, например) вагоны метро, автобусы, автомобили. Оставить свой след на движущихся предметах «Клево!», так как ты рискуешь и твой почерк, стиль и твое имя прочтут многие. Вандалы хотят быть узнаваемыми: это дает им ощущение вкуса славы. В России при скромных возможностях в приобретении аэрозолей можно встретить множество граффити у оснований мостов, на лестничных клетках и в лифтах домов, на гаражах, заборах и даже — памятниках. Граффити разрушают эстетику города, противостоят архитектуре и снижают присущее человеку ценностное отношение к предметному миру. Граффити, как и другие виды вандализма, — социальное и психологическое зло. Притязая на признание, человек должен утверждать себя достижениями в созидании, а не в разрушении уже созданного.

Некоторые аналитики предполагают, что граффити — один из способов демонстрации протеста от закабаления вещей. Это совсем не так. Граффити — неперспективный для личности способ утвердить свое Я.

Предметный мир как ценность, содействующая комфорту индивидуального человека, привлекает *желание владеть* им.

Овладеть предметом возможно не только благодаря созидательному труду, но также путем кражи и грабежа.

Кража — тайное хищение чьей-либо собственности, воровство. *Грабеж* — открытый разбой, не воровски, нахрапом. Грабитель обирает людей силой; он разбойник, хищник.

Кража, грабеж — зло, преступления насильственные и корыстные, обращенные против отдельной личности и общества в целом. Зло — худое, лихое, противоположно добру. Как замечательно мыслил по этому поводу более ста лет назад Владимир Даль: «Духовное начало двояко: *умственное* и *нравственное*; первое относится к *истине*, а противоположное ко *лжи*; второе к *добру* (благу) и к *худу*, ко *злу*. *Всякое зло противно божественному порядку*».

Преступления против человека, сопряженные с присвоением вещей и насильственными действиями, деформируют личность, изменяя ее типологию и мотивацию жизненной позиции. Добродетели покидают человека, его позиция в отношении к миру становится аморальной, асоциальной. Вор, грабитель, а также убийца становятся циничными, отчужденными от других, подозрительными и т.д. Им становятся присущи: 1 — общее негативное содержание ценностно-нормативной сферы; 2 — преимущественная идентификация себя с лицами, стоящими в маргинальной социальной позиции и позиции

закононепослушания; 3 — мораль оценивается как *этикет*, который демонстрируют в соответствующих ситуациях (мораль — дело вкуса); 4 — доминирует позиция «цель оправдывает средства»; 5 — часто отсутствует ценностное отношение к работе, к труду.

Преступления, совершаемые ради приобретения чужих вещей, помимо того что они деформируют личность преступника, в случае обнаружения общественно наказуемы: преступивший закон попадает в изоляцию. В тюрьме условия существования резко меняются: преступник роковым образом лишается всего того, чем так стремился овладеть, минуя законы нравственности. В результате преступивший закон теряет возможность иметь свой дом, свои престижные и значимые вещи. Преступник попадает в условия, которые лишают его свободы и определяют физическое и психическое самочувствие. К числу этих условий следует отнести те, которые связаны с предметным миром: 1 — обязательный, неукоснительный режим; 2 — бедность предметного мира; 3 — скученность на малом пространстве.

Режим — точно установленный распорядок жизни, проходящей в заданном пространстве помещений: камера, столовая, рабочие помещения (цеха). Наказание есть наказание, заключенные осуждены справедливо, почему достойное по своим делам приняли... Режим надо переживать изо дня в день, изнуряющих своим однообразием.

Бедность, ограниченность предметного мира — нарушает феноменологически присущую человеку потребность в многообразии рукотворного мира. Преступивший закон теряет возможность иметь свой дом (он находится в специальном казенном заведении), свои престижные и значимые вещи. Те вещи, которыми он владеет в камере, — примитивны, ветхи, всегда банально серийные, различающиеся скорее «по недостатку», чем по качеству.

Изоляция — обособление, отделение от окружающего мира, от стимулирующей к жизни и развитию среды. Изоляция в камере ведет к депривации сложившихся прежде потребностей (физических, психических и социальных), в том числе — потребностей в рукотворных предметах как условии полноценного человеческого бытия.

Как всякое существо в природе, человек заинтересованно относится к проблеме *пространства*, которым он располагает. *Потребность в индивидуальном пространстве* заложена биологической и социальной природой человека (ареалы обитания животных предков; родовые территории; индивидуальное пространство в собственном жилище и на территории земельной собственности). У каждого человека в течение жизни складывается особый экзистенциальный опыт владения неким пространством среды рукотворных и природных предметов.

В условиях лишения свободы, где осуществляется строгий надзор над использованием жизненного пространства камеры с ее нака-

зывающей мебелировкой (койка, столик, стул, зачастую накрепко привинченные к полу), заключенный теряет возможность свободно пользоваться и этим малым пространством с ограниченными строго функционально predetermined предметами.

Изолированность в местах лишения свободы делает человека бездомным, обездоленным. Бездомность в свою очередь лишает человека возможности развертывать свое бытие до полноты существования, ведет к примитивизации бытия как в социальном пространстве, так и во внутреннем, духовном мире.

Потеряв свободу в общественных отношениях людей внутри предметного мира по законам феноменологии взаимодействия труда, добра и красоты, человек, совершивший преступление внутри системы *человек — вещь — человек*, расплачивается несвободой, наказанием изоляцией в обедненном примитивном предметном мире.

Сегодня считается, что натуралистическое — предметное бытие вещи развивается по своим собственным законам, которые все труднее контролируются самим человеком. В современном культурном сознании людей появилась новая идея: интенсивное приумножение предметов, развивающаяся индустрия предметного мира помимо предметов, символизирующих прогресс человечества, создают поток предметов на потребу массовой культуры. Этот поток стандартизирует человека, превращая его в жертву развития предметного мира. Да и символы прогресса — вещи — предстают в сознании некоторой части мыслителей как разрушители человеческой природы.

В сознании современного человека происходит *мифологизация* разросшегося и развивающегося предметного мира, который становится «*вещью в себе*» и «*вещью для себя*». Предмет насилует психику человека постольку, поскольку сам человек позволяет это насилие.

Человек может проявить к вещам *жадность* — ненасытную жажду приобретения, накопления, патологического бережения, без использования по назначению, недопущения других созерцать их красоту.

Человек может проявить к другим людям *щедрость*. Щедрый человек милостив, милосерден на подарки.

Подарок — любая вещь, которую отдают вовсе, бесплатно и бесповоротно; любая вещь, которая дорога самому дарителю не по цене ее, а по ее художественным и/или символическим достоинствам. Подарок веселит душу тому, кто получает его и радует самого дарителя. Дарить — не только делать добро, совершать прекрасное деяние, но и утверждать себя как свободного человека, создающего вокруг себя свою систему предметного мира и свободно распоряжающегося этим предметным миром.